

Научная статья
УДК 325.252(470+520) «1920/1930»
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-512-526>

Патриотическая память о Родине Дальневосточной белой эмиграции в 1920–1930-е годы

Василий Петрович Пашин

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, 33
pashinvp@mail.ru

Аннотация

Актуальность. Такое явление, как белая эмиграция, объективно практически не исследовалось в отечественной историографии. Обосновать несостоятельность догмы о непримиримости классовых интересов в вопросах сохранения единого российского государства, положившей начало тенденциозному подбору информации о белой эмиграции в советский период истории. Показать мозаичную картину нашего исторического прошлого и пагубность классовой оценки конкретной личности. Цель исследования – выявить настроения белой эмиграции к проводимой политике японского правительства в отношении советского государства.

Материалы и методы. Выявленные документы Центрального архива Службы внешней разведки РФ, Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, весьма различные по своему происхождению, содержанию и характеру, дают достаточно полное представление о настроениях белой эмиграции на Дальнем Востоке. В основу анализа документов положен общецивилизационный подход, уделяющий большое внимание социально-культурным явлениям и субъективному фактору в исследовании конкретно-исторической ситуации.

Результаты исследования. Значительная часть белой эмиграции отрицательно относилась к планам развязывания войны против СССР и захвата советских территорий Японией. Доказательством этого вывода может служить безуспешность японских спецслужб вовлечь широкие слои белой эмиграции в широкомасштабную войну против СССР.

Выводы. Выявленные архивные документы показывают несломленный внутренний стержень патриотизма значительной части белой эмиграции на Дальнем Востоке к проводимой Японией политике в отношении советского государства. Белая эмиграция не желала ни территориальных уступок Японии, ни экономического ослабления России.

Ключевые слова: Белая эмиграция, Дальний Восток, патриотизм, Китай, Япония, терроризм

Благодарности. Искренние слова благодарности анонимным рецензентам статьи, сотрудникам редакции журнала за ценные рекомендации, которые способствовали повышению качества проведенного исследования.

Финансирование. Исследование выполнено в порядке личной инициативы.

Вклад автора: В.П. Пашин – постановка проблемы исследования, сбор, анализ, обработка материалов, анализ результатов эмпирического исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пашин В.П. Патриотическая память о Родине Дальневосточной белой эмиграции в 1920–1930-е годы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 2. С. 512-526. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-512-526>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-512-526>

Patriotic memory of the Motherland of the Far Eastern White emigration in the 1920s–1930s

Vasily P. Pashin

Kursk State University

33 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation

pashinvp@mail.ru

Abstract

Importance. Such a phenomenon as White emigration has not been thoroughly researched in Russian historiography. To substantiate the inconsistency of the dogma about the irreconcilability of class interests in matters of preserving a single Russian state, which gave rise to a tendentious selection of information about the white emigration in the Soviet period of history. To show a mosaic picture of our historical past and the perniciousness of the class assessment of a specific person. The purpose of the study is to identify the sentiments of the White emigration towards the policy of the Japanese government towards the Soviet state.

Materials and Methods. The revealed documents from the Central Archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Russian State Military Archive, and the State Archive of the Russian Federation, which are very different in origin, content, and nature, provide a fairly complete picture of the sentiments of White emigration in the Far East. The analysis of documents is based on a general civilizational approach, which pays great attention to socio-cultural phenomena and the subjective factor in the study of a specific historical situation.

Results and Discussion. A significant part of the White emigration had a negative attitude towards the plans to unleash a war against the USSR and the seizure of Soviet territories by Japan. The failure of the Japanese special services to involve broad sections of the White emigration in a large-scale war against the USSR can serve as evidence of this conclusion.

Conclusion. The revealed archival documents show the unbroken inner core of patriotism of White emigration's significant part in the Far East towards the policy pursued by Japan towards the Soviet state. The White emigration did not want either territorial concessions to Japan or the economic weakening of Russia.

Keywords: White Emigration, Far East, patriotism, China, Japan, terrorism

Acknowledgments. Sincere thanks to the anonymous reviewers of the article and the editorial staff of the journal for their valuable recommendations that contributed to improving the quality of the research.

Funding. The study was done on a personal initiative.

Author's Contribution: V.P. Pashin – statement of the research problem, collecting, analysing, processing the material, analysis of the results of an empirical study, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Pashin, V.P. (2025). Patriotic memory of the Motherland of the Far Eastern White emigration in the 1920s–1930s. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 2, pp. 512-526. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-512-526>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В современных условиях гуманитарные науки настойчиво ищут пути объединения в единое пространство историю нашего Отечества. Происходит отказ (не забвение) от традиционного для советских обществоведов формационного подхода, в основе которого лежит извечное антагонистическое противостояние различных частей единого общества.

Советская историческая наука не препарировала глубинные процессы и причины действий белогвардейского движения и эмиграции. Оно определялось единой враждебной силой по отношению к советской России – СССР. Поставленные задачи перед советскими историками правящей партией большевиков определяли их труды не только как исследовательские, но и как пропагандистские. Трагедия раскола единого российского народа достаточно длительное время носила в историографии явно политизированный и конъюнктурный характер. Она создавалась победителями в Гражданской войне, с классовых позиций и безальтернативности, где не оставалось места конкретной человеческой личности. Историография 1920-х гг. заложила основные векторы не только направлений исследований, но и выводы в отношении всей белой эмиграции. Она рассматривалась как единая враждебная сила по отношению к советскому государству [1; 2]. Даже в позднее советское время в качестве объекта исследования выступали отрицательные явления [3; 4]. Мозаичную картину настроений белой эмиграции не позволяла марксистско-ленинская классовая методология, которая ориентировалась на классы и формы производственных отношений.

На исходе советского периода истории и в первое десятилетие истории новой России в связи с поставленными задачами очернения в целом советского государства и общества

появилось большое количество произведений-перевертышей, в которых без глубокого анализа происходило перекрашивание явлений и фактов. На основе выявленных 2–3 явлений и событий, которые всегда можно найти в архивных документах, делались необходимые выводы, которые распространялись на все общество и государство. Шел процесс создания новой мифологической исторической науки [5; 6]. Издаваемая зарубежная и переводная литература часто выходила в издательствах без комментариев и научных предисловий отечественных историков [7].

В постсоветской историографии фактически сформировалось новое направление исследования – эмигрантоведение. Подробный анализ зародившейся новой ветви в историографии освещен в работе З.С. Бочаровой [8]. Идет медленный и противоречивый процесс создания объективной оценки белогвардейской эмиграции на основе новой методологии – общецивилизационной. Хотя и здесь не обходится без вымыслов, где реально существовавший единичный факт возводится в масштабный вывод. Так, в статье И.В. Идо (сотрудник Комитета международного отдела г. Китами (Япония), член совета правления Общества японо-русской дружбы г. Китами) безапелляционно утверждается, что «японцы не сопротивлялись наплыву русских» [9, с. 52], что в корне противоречит действительности, о чем будет сказано ниже. В других работах утверждалось, что в 1927 г. в белогвардейском Дальневосточном руководстве всерьез обсуждался вопрос о захвате части территории Дальнего Востока [10]. Теоретические разговоры и реальная подготовка – вещи очень разные.

Уникальным исследованием является коллективный энциклопедический труд 2021 г. выпуска о Гражданской войне в России, где авторы дают современные оценки изучаемому явлению [11]. Но трудно согласиться с

авторами энциклопедии (и не только с ними) с указанными хронологическими рамками Гражданской войны: 1918–1922 гг. Хронологические рамки Гражданской войны определяются вопросом – что стояло в центре государственной политики в указанные годы. С 1921 г. в центре государственной политики стояли вопросы экономики и социальной политики, а Красная армия сокращается многократно.

Несомненным вкладом в понимание трагедии белой эмиграции является исследование Е.Н. Наземцевой [12]. Наряду с авторскими рассуждениями о трагедии белой эмиграции, публикуется переписка белоэмигрантов с друзьями, родственниками, находившимися в СССР.

Современная объективная оценка белой эмиграции дается в трудах В.И. Голдина [13]. Его историографические работы по белогвардейской тематике позволяют исследователю и читателю сориентироваться в достаточно большом количестве работ, где нередко встречаются противоречивые точки зрения. В центре исследований находятся культурные ценности и конкретная личность, а не абстрактные «белогвардеец» – «красноармеец». В этом плане несомненный интерес вызывают труды, посвященные конкретным личностям белой эмиграции [14; 15; 16, с. 155-157].

В работах последнего времени показывается, что многие белогвардейцы, особенно офицерского состава, свои действия совершали не только в силу мировоззрения и социального происхождения, но и присяги.

Анализ литературы показывает, что в большей степени изучаются военные и политические проблемы Гражданской войны, организации диверсий против СССР, социально-культурные процессы, проходившие в белоэмигрантской среде, но в меньшей степени ее внутреннее настроение, их отношение к власти большевиков и Отечеству. Доказательством данного тезиса может служить работа М.В. Кротовой [17].

Целью исследования является выявление палитры настроений белой эмиграции на

Дальнем Востоке к проводимой японским правительством политике в отношении советского государства на основе цивилизационного подхода в изучении истории.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на основе общепризнанного философского подхода, в центр которого положены исторический и общецивилизационный методы исследования. Формационный подход, характерный для советской исторической науки, где первопричиной исторических событий являются социально-экономические факторы, не утратил своего значения в современных условиях. Формационный подход исследует глобальные явления, которые позволяют выявлять общие процессы в масштабах всего общества. Общесовицизационный подход большее внимание уделяет социально-культурным явлениям, учитывает субъективный фактор в конкретных исследуемых явлениях. Вышеназванные подходы нельзя противопоставлять друг другу. Только в их единстве возможна конкуренция идей, без которой обществу грозит катастрофа. В советском обществе конкуренция присутствовала, но на базе одной методологии – классово-идеологической, что приводило в конечном итоге к единообразию в выводах, отсутствию прогресса в отдельно взятых проблемах исторического исследования.

Хотя стремление объединить в современных условиях «раскол» 1917–1920 гг. невозможно, ибо в истории отсутствует сослагательное наклонение. Автор разделяет позицию Ю.Н. Ципко о том, что изучение теории альтернатив есть доказывание того, чего в действительности не было [18].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Почувствовав силу и мощь наступательных действий Красной армии (НРАрмия), японские экспедиционные войска в конце 1922 г. в спешном порядке решили покинуть территорию Приморья. С целью сохранения «лица» перед мировым сообществом япон-

ское военное командование вступило в переговоры с военным командованием НРА (которое также было заинтересовано в сохранении жизни солдат), результатом которых стало соглашение от 24 октября 1922 г. – японские войска обязывались очистить Владивосток к 16 часам 25 октября. Фактически это был ультиматум со стороны командования Красной армии. Единственная просьба японского командования заключалась в спасении белогвардейских сателлитов Японии (войска Земрати) от полного их разгрома и уничтожения, в чем советское командование пошло навстречу. 25 октября 1922 г. к 16.25 часам местного времени во Владивостоке не осталось ни одного вооруженного солдата как японской, так и белой армии¹.

Япония вынуждена была идти на прекращение военных действий на Дальневосточном побережье ввиду тяжелого экономического положения внутри страны. По официальной версии, с учетом внутренних тяжелых экономических проблем, она не смогла даже приютить беженцев на своей территории или территории Кореи. Отношение японского общества к белой эмиграции в лучшем случае было индифферентным. Не изменилась эта ситуация и в последующие годы. К 1927 г. всего на Дальнем Востоке находилось до 100 тыс. белоэмигрантов, в том числе в Японии всего 1–2 тыс., в Корее – 2–3 тыс.² В письме консульства СССР в Дайрене от 17 ноября 1928 г. сообщалось, что «сомнительно, чтобы Япония приняла с распростертыми объятиями беженцев «русских»³.

Однако это не означало полного «заморозки» Японии с СССР. Из разведывательной информации военных и иных ведомств постоянно сообщалось, что «Япония к чему-то готовится в Полосе отчуждения КВЖД», постоянно усиливался «розыскной аппарат»,

шла вербовка лиц из белой эмиграции для сбора интересующей информации, проведения террористических операций на советской территории⁴.

В частности, японские разведывательные органы активно работали с белогвардейским генералом Глебовым, атаманом Семеновым, лидерами других монархических организаций, которым раздавались обещания об оказании им всемерной финансовой помощи [19, с. 27-42]. Хотя обещания давались не под свои «кровные» деньги, а под арестованные российские. Только в токийском банке находилось до 55 млн руб. золотом, принадлежащих российскому государству. По агентурным сообщениям лондонской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ о судьбе русских государственных денежных средств на 21 марта 1925 г. в японских банках находилось 34 млн 270 тыс. иен⁵.

Скудность помощи объяснялась не только внутренними трудностями, но и качеством человеческого материала. Разрозненные монархические организации не могли выработать единой политической линии, невысоки были и моральные качества их руководителей. Вот какую общую характеристику давал полковник Н.В. Колесников в докладе о положении военной эмиграции в Маньчжурии в октябре 1925 г. ее лидерам: «С глубокой печалью вижу, как на кафедру государственных деятелей один за другим всходили честолюбивые, эгоистичные и мелкие душою люди, знающие только одного себя, свое собственное благополучие и быстро отдаляющиеся от тех несчастных людей, которые в свое время, доставляя им имя и славу, кладя без счета свои жизни, оставались забытыми и брошенными на произвол»⁶.

Но в японском высшем руководстве настойчиво разрабатывались планы по присоединению части советской России. Очень по-

¹ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 221. Оп. 1. Д. 724. Л. 220-241.

² ЦА СВР РФ (Центральный архив Службы внешней разведки Российской Федерации). Арх. № 954. Т. 2. Л. 137-145.

³ ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 5. Л. 124.

⁴ РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 339. Л. 38-45, 66. Л. 38; ЦА СВР РФ. Арх. № 89. Л. 84-91 и др.

⁵ ЦА СВР РФ. Арх. № 100. Т. 1. Л. 60-65.

⁶ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). 5826. Оп. 1. Д. 161. Л. 75-84.

пулярна была идея юридического отторжения территории.

Обобщающая информация о политике Японии на Дальнем Востоке была представлена на парижском совещании по вопросам белого движения на Дальнем Востоке в пространный доклад генерала А.И. Андогского в сентябре 1927 г.⁷, текст которого поступил в советские специальные органы в феврале 1928 г., хотя смысл доклада был представлен Иностранным отделом ГПУ уже 18 октября 1927 г. Здесь сообщалось, что совещание носило секретный характер, с персональным составом участников в 22 человека. В докладе особо подчеркивалось, что «Главенствующая на Дальнем Востоке иностранная держава – Япония, <...> ревниво контролирует организацию белых войск в Маньчжурии»⁸. Далее генерал делал предположение, основываясь на многочисленных контактах руководителей белых организаций с японскими военными и гражданскими лицами, что Япония может финансировать подготовительные работы к выступлению белых для свержения власти коммунистов в России и, прежде всего, на Дальнем Востоке. Однако, рассуждал далее генерал, «никто даром помогать не будет». Компенсация за помощь со стороны Японии может быть двух видов – территориальная и экономическая. При этом следует обратить внимание, что в докладе генерал отрицательно относился к территориальным уступкам. «Сердцу русского человека такая компенсация представляется крайне тяжелой и нежелательной». Анализ документа показывает, что это было мнение не индивидуальное, а большинства присутствующих. В этом вопросе – территориальных уступок – генерал надеялся на поддержку со стороны США, которая не желала территориального увеличения японского государства. Поэтому в общем выводе совещания предполагались компенсации экономического характера, в том числе в виде сдачи в долгосрочную аренду Дальневосточных земель.

⁷ ЦА СВР РФ. Арх. № 953. Т. 1. Л. 168-185.

⁸ Там же. Л. 170, 172.

О резко негативном отношении к вопросу передачи части территории СССР Японии постоянно сообщалось в сводках советской разведывательной сети среди белогвардейской эмиграции. Так, в аналитической справке пекинской резидентуры сообщалось о пророссийских настроениях среди эмигрантов в Харбине. На собраниях даже среди правых организаций постоянно высказывались точки зрения за поддержку советской власти в части национальных интересов страны⁹.

Идеи широкомасштабного подъема белой эмиграции на восстание на Дальнем Востоке были нереальными. В аналитическом обзоре о положении белой эмиграции в Маньчжурии от марта 1928 г. говорилось, что «...беженская масса не пойдет ни на какую авантюру. Исключение составляет несколько десятков человек... подобные шайки не могут внушать каких-либо опасений»¹⁰.

С учетом подобных настроений Япония субсидировала белоэмигрантов на Дальнем Востоке очень скрытно, дозированно и под конкретные задания конкретным руководителям банд. Так, спецслужбы СССР получали из различных по происхождению источников информацию о постоянном финансировании банды генерала Глебова. Первая информация о финансировании японским правительством названной выше достаточно одиозной фигуры поступила в советские высшие органы еще в 1924 г.¹¹ Здесь сообщалось, что генералу Глебову японские власти передали 700 тыс. иен на формирование и дальнейшее поддержание отряда. Из сводки следовало, что именно японские власти создали достаточно большую банду белобандитов, которая постоянно совершала террористические вылазки на советскую территорию.

Однако бандитские вылазки к концу 1920-х гг. японские спецслужбы уже на устравивали. В конце сентября 1928 г. в Порт-Артуре по японской инициативе было прове-

⁹ ЦА СВР РФ. Арх. № 651. Л. 34.

¹⁰ ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 3. Л. 47.

¹¹ ЦА СВР РФ. Арх. № 16799. Л. 174-175; Арх. № 353. Л. 61-64.

дено совещание, на котором присутствовало руководство глебовского отряда и 3 высокопоставленных генерала Японии. Здесь Глебову было обещано вооружение, финансирование, иная необходимая помощь, если они займут часть территории СССР на Дальнем Востоке. Однако захватить даже небольшой клочок земли отряд Глебова не смог. На новом совещании, в конце декабря 1928 г., Глебову вновь было обещано финансирование и оружие, если отряд выйдет на территорию СССР с лозунгом освобождения от коммунистов.

С начала 1930-х гг. финансирование банды Глебова со стороны Японии стало не столь активно. Объяснялось это тем, что японские власти, как отмечалось выше, ожидали не единичных террористических набегов на советскую территорию, а ее захвата, большой партизанской войны на советской территории. В противном случае фактически получалось, что Япония финансирует террористов, что снижало ее политический имидж на мировой арене. Постоянные переговоры японских представителей с Глебовым на предмет начала широкомасштабных действий не приносили желаемого эффекта. Вопрос заключался не только в нехватке сил, но и нешироком кругозоре Глебова.

Таким образом, отряд Глебова был создан при полной финансовой поддержке японского государства, но не обладающий стратегическим мышлением генерал свел практическую деятельность отряда к бандитским вылазкам на территорию СССР.

Создавали и финансировали японские власти и другие отряды, количеством поменьше, перед которыми сразу ставилась задача создания напряженной обстановки на границе СССР. Так, в 1924 г. под руководством японцев начинается формирование отряда численностью до 60 человек из русских казаков. Однако этот план не удалось реализовать в полном объеме, в том числе и по причине патриотических настроений в среде казаков. Этот вывод можно сделать из анализа сводки контрразведывательного отдела ОГПУ, которая была доставлена Мен-

жинскому, Ягоде, Артузову, Ольскому и Мельникову в мае 1925 г. Убедительность доводов была столь высокой, что на документе стояла пометка – «заслуживает внимания»¹². Общее содержание документа заключалось в следующем. К Емлину обратились японские эмиссары с предложением за солидное вознаграждение создать банду для «сбрасывания поездов на Уссурийской железной дороге». При первой встрече бандит Емлин (так в тексте документа) определенного ответа не дал, высказав пожелание подумать. При встрече со своим сослуживцем генералом Бордзиловским он изложил суть предложения японской разведки. Генерал Бордзиловский, вопреки ожиданиям Емлина, решительно выступил против подобного предложения, советовал не совершать «подобные действия, как наносящие ущерб стране, и, прежде всего, крестьянству». При этом генерал Бордзиловский ссылаясь на «мнение» высшего белоэмигрантского руководства.

Подобный пример достаточно характерен для настроений белой эмиграции. Она отнюдь не была выкрашена одним цветом, а представляла собой широкую палитру разноцветной мозаики. К сожалению, советское руководство 1920–1930-х гг. смотрело на белую эмиграцию не как на собрание индивидов, а как на единую враждебную массу. Формационный подход, классовое видение мира не позволяло адекватно и индивидуально рассматривать белую эмиграцию. Синдром победителя играл негативную роль.

Конечно, встречались и иного рода белогвардейцы, скорее относящиеся к авантюристам, желающие заполучить за откровенно бандитские действия деньги от Японии, готовые обещать совершить любые действия. В феврале 1927 г. состоялась встреча японского резидента с представителями белой эмиграции, которые утверждали, что как только они выступят, «90 процентов Красной Армии будет на нашей стороне», требуется только одно – денежные средства от Японии¹³.

¹² ЦА СВР РФ. Д. 108. Л. 11-13.

¹³ ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 3. Л. 49-51.

Впрочем, в подобные «сказки» японские эмиссары не особенно верили. На подобное предложение японская сторона заявила, что надо бы составить «систему расходования этих денег». Через 3 дня фантастическая смета была составлена, на которую японские эмиссары вновь дали уклончивый ответ. В своем отчете о прошедшей встрече японские эмиссары писали, что переговорщики слабо представляют положение дел в России и скорее похожи на авантюристов, чем на серьезных военных людей.

Уже не надеясь на подобных переговорщиков, в марте 1928 г. в Париже состоится встреча японского посла в Париже с Николаем Николаевичем¹⁴. На встрече японский посол настойчиво предлагал белым начать войну на Дальнем Востоке и занять там небольшой участок территории. Япония же обязывалась оказать «повстанцам» всемерную помощь, и даже дать войска для прикрытия его тыла. Николай Николаевич уклонился от прямого ответа на подобное предложение. В целях прояснения детальной обстановки на Дальний Восток с инспекцией был отправлен генерал Лукомский. Его отчет оказался просто удручающим. Вывод был однозначен. Ни о какой подготовке к вооруженному выступлению против СССР речи идти не может. Нет ни средств, ни годных для этого людей. На подобную авантюру могут пойти несколько сотен человек, готовых кончить свою жизнь где угодно.

В связи с обострением отношений Японии и СССР в начале 1930-х гг. японские спецслужбы усилили поиск в белогвардейской среде лиц, способных и готовых совершать террористические акты на территории СССР¹⁵. За проведение подобных террористических актов Япония обязывалась выплачивать солидное денежное вознаграждение, полностью экипировать группы.

Японская военщина в 1930-е гг. вновь сделала ставку на известную фигуру в японских кругах и в белой эмиграции на Дальнем

Востоке атамана Семенова. Однако и эта попытка оказалась неудачной. Массового движения в белоэмигрантской среде не произошло. Эмиграция разлагалась и распадалась. Даже при приходе японцев в Харбин в феврале 1932 г. ликование части белой эмиграции быстро сменилось унынием. Дело в том, что японские спецслужбы, уже не надеясь на лидеров белого движения, стали закрывать и распускать многочисленные по количеству, но не многолюдные организации, стремясь их объединить в несколько крупных, но под контролем своих военных структур. Неудобных лиц, подвергающих критике японскую политику, или просто имеющих собственную точку зрения, отличную от японской, подвергали остракизму, вплоть до арестов. Так, арестовали и выслали генералов Вержбицкого, Эглау, Акинтьевского. Арестован и был выслан Н.Н. Горчаков, старейший сотрудник «Русского голоса», писавшего корреспонденции в парижские «Новости жизни». Подобные действия резко усилили неприязнь рядовой белой эмиграции в целом к японцам и Японии.

После оккупации японцами Маньчжурии даже генерал Хорват прислал письмо с обращением ко всей эмиграции на Дальнем Востоке воздержаться от активных действий и соблюдать полный нейтралитет (Хорват сохранял пост главы общеэмигрантского Союза на Дальнем Востоке)¹⁶.

По утверждению И.С. Ильина во второй половине 1930-х гг., когда японцы стали прошупывать силу Красной армии, у эмигрантов стали просыпаться патриотические чувства. Японцы, которые отслеживали настроения белой эмиграции, были поражены подобными метаморфозами. В период осложнения международной обстановки на Дальнем Востоке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. для наиболее оголтелой части белого движения стали подыскивать лидера, способного возглавить и объединить белогвардейское движение против советской России. Однако подобной одиозной фигуры, на-

¹⁴ ЦА СВР РФ. Арх. № 885. Т. 1. Л. 252.

¹⁵ ЦА СВР РФ. Арх. № 1582. Т. 1. Л. 371; Арх. № 1595. Т. 1. Л. 165.

¹⁶ ЦА СВР РФ. Арх. № 1277. Л. 45-46.

ходящейся на Дальнем Востоке, японские спецслужбы не могли найти. Выбор пал на находящегося в Праге чехословацкого генерала Р. Гайду, который с легкостью обещал Японии любые компенсации (территориальные и экономические) в случае победы над Россией¹⁷.

В лучшем случае японцы использовали белогвардейцев во внутренних делах на оккупированной территории, во вспомогательных отрядах японских войск – на строительстве укреплений, создании проволочных заграждений, фортов... Но даже подобная работа являлась всего лишь отдельными эпизодами, а не массовым явлением. Доказательством этого тезиса могут служить материалы заседания Общества офицеров Генерального штаба по поводу событий на Дальнем Востоке, состоявшегося в марте 1932 г.¹⁸ Здесь указывалось, что на основе анализа поступающей информации «большая группа разных военных организаций, находящихся на Дальнем Востоке, до сих пор стоят во враждебных отношениях к деятельности японской военной власти в Харбине». Только незначительное число проявляет сочувствие к японским властям – Шильников, Косьмин, Глебов, Сычев... Некоторые участники заседания высказались резко негативно к идее создания буферного государства, которое окажет «содействие захвату этих областей Японией». В конечном итоге собрание офицеров Генерального штаба не смогло выработать единую резолюцию, «которая бы советовала входить его членам в какие-либо организации по работе с новым маньчжурским правительством и японским командованием».

Автор нашел уникальный документ, в котором даже часть фашистов в Харбине заявляли, что если Франция и Япония объявят войну России, а не III Интернационалу, то эмиграция с Россией воевать не будет. «Эмиграция пойдет на войну только против коммунистов за неделимую Россию с трехцветным флагом»¹⁹.

Высокопоставленный генерал Дитерикс, пользующийся авторитетом в среде белой эмиграции на Дальнем Востоке, не желая запятнать свой авторитет в отношениях с Японией, вел переговоры с японским военным руководством в Маньчжурии не лично, а через посредников, оставаясь «при этих переговорах как бы в стороне»²⁰.

Формирование крупных отрядов из белой эмиграции, находящейся на Дальнем Востоке, практически полностью держит фиаско. Поэтому, как следует из слов нового начальника харбинского отдела РОВС генерала Вержбицкого, в 1933 г. японцы уже неоднократно обращались в Общевоинский союз в Париже с предложением начать формирование мелких отрядов для их отправки в Маньчжурию, но Общевоинский союз заявлял, «что может начать формирование лишь в том случае, если японцы согласятся предоставить самостоятельное существование и самостоятельные действия в Маньчжурии по борьбе с советской властью»²¹.

В речи генерала Вержбицкого на сборе Русского Общевоинского Союза, произнесенного им в г. Харбине в ноябре 1933 г., отмечалось, что любое государство, оказывающее помощь белому движению, будет преследовать свои интересы. «Это должно быть усвоено твердо, отбросив избыток наивных надежд и излишек прекрасных иллюзий»²².

Имея подобную информацию о настроениях белой эмиграции к японской политике в отношении советского государства, японцы начинают самостоятельно формировать отряды из безработных и окончательно деклассированных эмигрантов, с целью их переброски на советскую территорию для диверсионной работы, а также для распространения контрреволюционной литературы среди жителей приграничья. Формировались отряды уже не на добровольной основе, а через принудительную мобилизацию. Сюда шли в основном опустившиеся, спившиеся и деморализованные элементы из числа бывших сол-

¹⁷ ЦА СВР РФ. Арх. № 1486. Л. 274-275.

¹⁸ ЦА СВР РФ. Арх. № 1579. Л. 13.

¹⁹ ЦА СВР РФ. Арх. № 1578. Л. 397.

²⁰ ЦА СВР РФ. Арх. № 1579. Л. 16-18.

²¹ ЦА СВР РФ. Арх. № 1579. Л. 133.

²² ЦА СВР РФ. Арх. № 16538. Т. 1. Л. 31-34.

дат и офицеров невысокого ранга. В частности, генерал Косьмин являлся настолько одиозной личностью, что даже японцы, несмотря на полную его поддержку, вскоре к нему охладели. Так, несколько раз, при экстренных вызовах, Косьмин к японскому руководству являлся пьяным. В белогвардейской среде ходили упорные слухи, что Косьмин наркоман (кокаинист), в пьяном и ненормальном виде беспричинно стрелял, избивал жену, ломал домашнюю утварь.

К середине 1935 г. терпение японских спецслужб по привлечению белой эмиграции на свою сторону закончилось. Дальневосточный союз военных, находясь под влиянием европейского центра РОВС, не стремился активно сотрудничать с Японией. Генералы Дитерикс, Вержбицкий, Сычев стремились сохранить хорошие отношения с парижским центром РОВС. В этих условиях Япония начинает компанию по объединению многочисленных и разрозненных белых организаций в единую целую. Ими подыскивались и соответствующие руководители – генерал В.А. Кислицын, генерал Рычков, генерал Бакшеев. В своих программных документах они открыто ориентировались на совместные действия Японии против СССР. Подавляется разномыслие, проводятся аресты в среде несогласных. Арестовывается генерал Акинтьевский, генерал Сычев, глава восточного казачьего союза, начальник штаба Общевоинского союза полковник Белоцерковский, профессор, инженер Белоборовский и другие лица, пользующиеся определенным авторитетом в белоэмигрантской среде. Местная прояпонская пресса сообщала, что и с другими несогласными могут поступить также, если они будут выступать против объединения русской эмиграции под руководством японских эмиссаров. А русские эмигранты должны беспрекословно подчиняться своим ответственным лидерам, назначение которых санкционировалось японскими властями²³.

В дальневосточной белоэмигрантской среде при разговорах о насильственной

японской мобилизации всех русских, способных носить оружие, даже в молодежной среде, фактически сформировавшейся уже вне Отечества, преобладали унылые тона. Основной темой разговора стали общее мрачное настроение и фраза – «куда бежать?» Атаман Семенов в 1935 г. пишет третье письмо (в течение 10 лет) на имя посла СССР в Китае с предложением о сотрудничестве²⁴.

В целом общие чувства белой эмиграции к проводимой Японией политике в отношении СССР были выражены в «Спецобращении Иностранного отдела НКВД из Иркутска о настроениях среди эмигрантов»²⁵. Здесь говорилось, что если в 1932 г. входящие в Харбин японские войска встречали криками «ура» и «банзай», а Белоцерковский, Смирнов говорили, что расстреляют любого, кто плохо отзовется о японцах, то через 3 года 80 % эмиграции ненавидели японцев, а в случае войны против СССР воевать добровольно на стороне Японии не пойдут. Даже казаки, завербованные японцами для военной подготовки с целью совершения террористических актов на советской территории, через некоторое время открыто заявляли, что «если бы они имели власть и силу, то уничтожили бы всех японцев». Подобных агентурных сообщений было большое количество. «Симпатии белых, бывшие в начале 1930-х гг. на стороне японцев, сейчас теряются»²⁶.

Невозможность соорганизоваться белой эмиграции в самостоятельные организации, постоянные расколы, интриги переориентировали японскую военную разведку от связей с организованными группами к непосредственным контактам с отдельными лицами, которым давались определенные задания по организации банд, а окончательный расчет производился только после совершения террористического акта. Хотя утверждение о совершении террористического акта не совсем верно. В основном действия белопарти-

²³ ЦА СВР РФ. Арх. № 16529. Т. 1. Л. 2-9.

²⁴ ЦА СВР РФ. Арх. № 16545. Т. 8. Л. 96, 97.

²⁵ ЦА СВР РФ. Арх. № 16544. Т. 4. Л. 72.

²⁶ ЦА СВР РФ. Арх. № 16543. Т. 3. Л. 5; Арх. № 1579. Л. 224-225.

занских банд сводились к откровенному грабежу мирного населения и государственного имущества.

В начале 1934 г. советская разведка получила информацию с содержанием доклада японской военной миссии по вопросу использования белой эмиграции в интересах Японии²⁷. Этот доклад был разослан во все управления воинских подразделений Квантунской армии, находящиеся на азиатском континенте, в качестве руководства к действию. Прежде всего здесь говорилось о привлечении к антисоветской деятельности не белогвардейской эмиграции, а в целом русского населения в Маньчжурии. Многочисленные аресты гражданских лиц русского происхождения породили их массовое недовольство действиями японских властей. Было рекомендовано японским военным властям самостоятельно организовывать мелкие белогвардейские организации в более крупные с целью удобства контроля за их умонастроениями. Через крупные организации японской контрразведке легче было выявлять и регистрировать «подозрительных лиц», усилить и закрепить антисоветские настроения в эмигрантской среде.

С учетом негативного отношения к Японии со стороны большей части эмиграции, демагогически говорилось не о возможной войне Японии с СССР или русским народом, а войне за Россию, за ее спасение и освобождение от коммунизма. Подобный реверанс был явно сделан под влиянием общих настроений белой эмиграции на Дальнем Востоке.

Во главе объединения, получившего название «Русское Национальное Объединение Борьбы за Правду» поставили генералов В.А. Кислицина, П.А. Бакшеева и К.В. Родзаевского. Однако год работы не выдал больших результатов. Добровольное объединение мелких организаций в крупную не получило активной поддержки. А созданная на «бумаге» структура не пользовалась популярностью и фактически не увеличивалась за счет вновь вступающих. Да и входящие в

организацию не доверяли японской политике. Этот вывод следует из секретного отчета Квантунского штаба жандармерии от 26 сентября 1934 г.²⁸ Полный перевод этого текста с японского языка на русский был представлен высшему руководству спецслужб, включая Ягуду, Аграновича и др. Отчет был насыщен не только цифрами и фактами (количественный состав организаций, руководящий состав и их характеристики, моральные установки...), но и философскими рассуждениями.

Фактически в отчете признавался провал проводимой японскими спецслужбами политики. Стимулом к объединению служили только личные материальные интересы, а не антисоветские установки, «большинство потеряло верность политическим принципам. Из 70 перечисленных организаций только 10 (по мнению составителей отчета) «заслуживают внимания в смысле реальной пользы» японской политике.

В японских аналитических и военных кругах реально прорабатывался план по созданию в Приморье государства по типу Маньчжоу-го, которое в своей деятельности должно было опираться на различные группы русской эмиграции. Японская разведка активно вела пропаганду в среде белых эмигрантов, смысл которой сводился к тому, что только Япония способна восстановить Россию на приемлемых для всех сторон условиях. Но поступающей информации от агентов белой эмиграции японцы не доверяли, считая ее не только не достоверной, но и вредоносной. В этом плане очень примечательна речь высокопоставленного японского агента в 1935 г. в Харбине²⁹. Здесь сообщалось, что «общим злом агентов эмигрантов является то, что они дают недостоверные сведения, без указания источника, и к тому же слишком преувеличенные». У руководителей высшего комсостава белой эмиграции «до сих пор сильно чувство собственного превосходства, и они пренебрежительно смотрят на японцев». Дается здесь и характе-

²⁷ ЦА СВР РФ. Арх. № 16533. Т. 3. Л. 41-46.

²⁸ ЦА СВР РФ. Арх. № 16544. Т. 3. Л. 25-40.

²⁹ ЦА СВР РФ. Арх. № 16578. Л. 288-291.

ристика деятельности советских спецслужб, которые «идейно устойчивы, обучены, дисциплинированы и образованы. В этом отношении они намного превосходят русских эмигрантов».

В Сообщении Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР с изложением докладной записки русского агента японской жандармерии о положении белой эмиграции в Харбине говорилось, что широкие круги белой эмиграции недовольны политикой японцев. Если пять лет назад русский мир держал все свои сбережения в иенах, то сейчас они стремительно от них избавляются. В качестве общего вывода констатируется следующее, что в Харбине «почти нет никого, кто относился бы к японцам дружелюбно на все 100 %»³⁰.

Для засылки на советскую территорию диверсантов и террористов японская разведка с трудом находила «подходящих людей для данной работы». Объяснение этому автор статьи видит и в том, что наиболее оголтелые отщепенцы, откровенные бандиты были уничтожены пограничными заставами СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. Значительно укрепились и пограничные рубежи на Дальнем Востоке. Прежних знаний белой эмиграции уже явно не хватало.

Поэтому в мае 1938 г. в Харбине создается спецшкола для подготовки диверсионно-разведывательных кадров из числа местной молодежи. Обратим внимание, ставка делалась на молодежь, на лиц, сознательное мировоззрение которых формировалось уже в эмиграции. Но и здесь энтузиазма вступления в разведшколу в среде молодежной не наблюдалось. В первый набор слушателей, проводившийся добровольно, пришло всего 1500 человек, хотя планировалось набрать несколько тысяч человек. Только во второй набор, осуществляемый уже в порядке мобилизации лиц в возрасте от 17 до 30 лет, прибыло около трех тысяч. По воспоминаниям И.С. Ильина, привлечение молодежи в учебные заведения дали «жалкие результаты». «В руки японцев попадают отбросы»³¹.

³⁰ ЦА СВР РФ. Арх. № 16592. Т. 2. Л. 31-54.

³¹ ЦА СВР РФ. Арх. № 25912. Л. 3.

ВЫВОДЫ

Политика японского правительства по развязыванию полномасштабной войны против СССР в 1920-е – 1930-е гг. при помощи белогвардейской эмиграции потерпела полное фиаско. Неоднократные обещания различным руководителям белой эмиграции на Дальнем Востоке о всемерной им помощи в случае захвата части приграничной советской территории постоянно наталкивались на нежелание воевать против СССР в интересах Японии. Деятельность японского правительства оказалась сведенной к созданию мелких банд (в лучшем случае, как правило, в несколько десятков человек) с целью совершения банальных террористических актов. Но к началу 1930-х гг. и этот потенциал иссяк. Японское военное руководство, не надеясь уже на инициативу и желание белой эмиграции выполнять прямые указания со стороны Японии, начинает самостоятельно формировать банды из откровенных уголовников и отщепенцев. Насильственная мобилизация белой молодежи (фактически сформировавшей мировоззрение вне советской России) в формируемые Японией отряды встречала сопротивление. Основная масса мобилизуемых зачислялась в отряды по материальным соображениям.

Япония могла вовлекать белую эмиграцию только в строительные работы по сооружению военных укреплений и охранные мероприятия с целью сохранения японского имущества от банального разграбления.

Таким образом, выявленный нами корпус архивных документов (а не тенденциозный их подбор) показывает крайне мозаичную картину настроений белой эмиграции на Дальнем Востоке – от индифферентного отношения к происходящим событиям и сочувствия Отечеству до ненависти к советской России. Но основная их масса негативно относилась к проводимой политике японского руководства в отношении советского государства. Из присутствующих здесь 100 тысяч человек только сотни принимали участие в борьбе против советской России-СССР.

Японская идеология первой половины XX века проповедовала превосходство Японии на всем Дальнем Востоке, что не принималось белым эмигрантским движением не только дальневосточным, но и европейским. Отсюда нежелание белой эмиграции служить расходным материалом в японских военных планах в борьбе против РСФСР-СССР.

Историческая память белоэмиграции, как и всего российского народа, помнила позор России вследствие русско-японской войны, где фактически впервые в истории нашего государства были сделаны территориальные уступки. Небольшой исторический промежуток времени не сгладил неприязни к Японии. События 1905–1906 гг. поколение 1920-х – 1930-х гг. знали не из книг и учебников, а воспоминаний своих отцов, а иногда и собственных воспоминаний. Нельзя забывать также и характерные черты японской нации, которые были неприемлемы для русского характера. (Неприятие позиции иностранца, считать их ниже себя, скрытность, отсутствие проявления открытых эмоций и пр.). Поэтому априори русский народ с подозрением относился к японской политике. Любые действия японской администрации по отношению даже к белогвардейцу, наруши-

телю законов, воспринимались русской диаспорой как ущемление прав в целом всей белогвардейской эмиграции. Внешние неблагоприятные условия мобилизуют внутренние моральные качества. Вера и верноподданнические чувства к Родине у большинства белой эмиграции на Дальнем Востоке оказались выше сиюминутных каждодневных забот.

Любое предложение к белой эмиграции со стороны японских спецслужб по совершению террористических актов на советской территории воспринималось первыми как продолжение войны Японии с Россией. Поэтому на финансируемые японской стороной организации налетов на советскую территорию находилось немного желающих. Документы показывают, что Япония не смогла сформировать большие (70–100 человек) отряды из белоэмигрантов для совершения террористических актов. (Исключение, пожалуй, составляет отряд Глебова.) В лучшем случае формировались небольшие отряды из 5–10 человек откровенно деградированных преступников. За идеологическими разногласиями с советской властью большинство белоэмигрантов не растеряли чувство привязанности к Родине и доброй о ней памяти.

Список источников

1. Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Москва; Петроград: Госиздат, 1923. 155 с.
2. Рыклин Г.Е. Кровавый атаман. Москва: Госиздат, 1927. 337 с.
3. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. Москва: Наука, 1977. 319 с.
4. Шкаренков А.К. Агония белой эмиграции. Москва: Мысль, 1986. 272 с.
5. Белое движение. Исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. Москва: АСТ; АСТРЕЛЬ, 2003. 443 с.
6. Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. Смоленск: Русич, 2000. 512 с.
7. Мельгунов С.П. Красный террор в России. Москва: СП «РУСО», «PS», 1990. 208 с.
8. Бочарова З.С. Основные вехи изучения российского зарубежья в 1920–1930-х гг. в отечественной историографии (постсоветский период) // Нансеновские чтения. Санкт-Петербург, 2012. С. 18-26.
9. Идо И.В. Белые эмигранты на Хоккайдо (история семьи Белоноговых) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 51-58. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2021-3-51-58>, <https://elibrary.ru/uvlyqo>
10. Кротова М.В. Русская эмиграция в Маньчжурии: планы вооруженной борьбы с Советским Союзом в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 64-67. <https://elibrary.ru/sjvetx>
11. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. Москва: Полит. энциклопедия, 1921. Т. 1. 847 с.; Т. 2. 878 с.; Т. 3. 826 с.
12. Назмицева Е.Н. «Перехваченные судьбы»: переписка русских эмигрантов в фондах центрального архива ФСБ России // Исторический курьер. 1922. № 1. С. 55-67.

13. *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современной отечественной и зарубежной историографии: осмысление через столетие // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 1923. Вып. 41. С. 15-42.
14. *Марковчин В.В.* Восточная ветвь белой эмиграции // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 115-118. <https://elibrary.ru/wwmeiv>
15. *Ганин А.В.* Белый генерал, красный военспец Яков Слащев–Крымский. Москва: Фонд «Русские Витязи», 2021. 256 с.
16. *Пашин В.П.* Новые документы о деятельности атамана Г.М. Семенова на Дальнем Востоке в период с 1923 по 1928 гг. // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 155-177. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00025>, <https://elibrary.ru/xuohjr>
17. *Кротова М.В.* Русская эмиграция в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 2. С. 66-83. <https://elibrary.ru/pomtbn>
18. *Ципко Ю.Н.* Являлось ли Белое движение буржуазно-демократической альтернативой советской власти? // Россия и АТР. 2005. № 1. С. 33-45. <https://elibrary.ru/hldumv>
19. *Пашин В.П.* О масштабах террористических и бандитских действий белогвардейцев-эмигрантов на Дальнем Востоке (середина – вторая половина 1920-х гг.) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2019. № 5. С. 27-42. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.5.27>, <https://elibrary.ru/mowloh>

References

1. Belov V. (1923). *A White Hangover. Russian Emigration at a Crossroads*. Moscow, Petrograd, Gosizdat Publ., 155 p. (In Russ.)
2. Ryklin G.E. (1927). *The Bloody Chieftain*. Moscow, Gosizdat Publ., 337 p. (In Russ.)
3. Ioffe G.Z. (1977). *The Collapse of the Russian Monarchist Counterrevolution*. Moscow, Nauka Publ., 319 p. (In Russ.)
4. Shkarenkov A.K. (1986). *The Agony of White Emigration*. Moscow, Mysl' Publ., 272 p. (In Russ.)
5. Kruchinin A.S. (compiler) (2003). *The White Movement. Historical Portraits*. Moscow, AST: ASTREL Publ., 443 p. (In Russ.)
6. Cherkasov-Georgievskii V.G. (2000). *The Leaders of the White Armies*. Smolensk, Rusich, 512 p. (In Russ.)
7. Mel'gunov S.P. (1990). *The Red Terror in Russia*. Moscow, SP "PUICO" Publ., "PS" Publ., 208 p. (In Russ.)
8. Bocharova Z.S. (2012). The main milestones in the study of Russian Abroad in the 1920s and 1930s in Russian historiography (post-Soviet period). *Nansenovskie chteniya*. St. Petersburg, pp. 18-26. (In Russ.)
9. Ido I.V. (2021). The White emigrants in Hokkaido (the history of the Belonogovs family). *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika = East Asia: Facts and Analytics*, no. 3, pp. 51-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2021-3-51-58>, <https://elibrary.ru/uvlyqo>
10. Krotova M.V. (2014). Russian emigration to Manchuria: plans for an armed struggle against the Soviet Union in the 1920s. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine*, no. 7, pp. 64-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sjvetx>
11. Sorokin A.K. (executive ed.) (1921). *Russia in the Civil War. 1918–1922: in 3 vols*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., vol. 1, 847 p.; vol. 2, 878 p.; vol. 3, 826 p. (In Russ.)
12. Nazemtseva E.N. (1922). "Intercepted destinies": correspondence of Russian emigrants in the funds of the Central archive of the FSB of Russia. *Istoricheskii kur'er*, no. 1, pp. 55-67. (In Russ.)
13. Goldin V.I. (1923). The Russian Civil War in modern Russian and foreign historiography: a century's reflection. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, issue 41, pp. 15-42. (In Russ.)
14. Markovchin V.V. (2016). The Eastern branch of White emigration. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 115-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wwmeiv>
15. Ganin A.V. (2021). *White General, Red Military Specialist Yakov Slashchev–Krymsky*. Moscow, Fond "Russkie Vityazi" Publ., 256 p. (In Russ.)
16. Pashin V.P. (2018). New documents about Ataman G.M. Semenov's activity in the Far East during 1923–1928. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, no. 2, pp. 155-177. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00025>, <https://elibrary.ru/xuohjr>

17. Krotova M.V. (2012). Russian emigrants in interwar Manchuria: manipulation of citizenship as a strategy of survival. *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, no. 2, pp. 66-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pomtbv>
18. Tsipko Yu.N. (2005). Was the White movement bourgeois-democratic alternative to the Soviet power? *Rossiia i ATR = Russia and the Pacific*, no. 1, pp. 33-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hldumv>
19. Pashin V.P. (2019). The scale of terrorist and gang activities of White émigrés in the Far East (middle – second half of the 1920s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, no. 5, pp. 27-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.5.27>, <https://elibrary.ru/mowloh>

Информация об авторе

Пашин Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>
pashinvp@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2024
Одобрена после рецензирования 22.03.2025
Принята к публикации 18.04.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vasily P. Pashin, Dr. Sci. (History), Professor of Theory and History of State and Law Department, Kursk State University, Kursk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>
pashinvp@mail.ru

Received 28.12.2024
Approved 22.03.2025
Accepted 18.04.2025

The author has read and approved the final manuscript.